

AMBIVALENCE OF IRANIAN CULTURAL IDENTITY AND ITS INTERPRETATION IN ACADEMIC DISCOURSE

Anna P. Romanova

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8537-4893>

E-mail: aromanova_mail@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to an analysis of both domestic and foreign scholarly discourse concerning the specific features of the formation of Iranian identity. In order to trace the evolution of this process, the sources selected are predominantly from the last three decades, when the possibility of a more or less objective analysis emerged, along with a temporal distance that made it possible to identify certain stages of its transformation. It was precisely during this period that its main distinctive characteristics not only took shape but were also conceptually articulated.

The basic methodology of the study is comparative analysis and a structural–system approach. The principal characteristic of Iranian identity, due to a number of historical and geographical reasons, is its ambivalence, which consists primarily in the fact that it rests on two major, foundational structural components — *iraniyat* and *islamiyat* — as well as several smaller ones. *Iraniyat*, as the more ancient component, is grounded in ancient Persian roots, history, culture, and a “portrait gallery” of historical and mythological cultural heroes who constitute the pride of the contemporary Iranian. At the same time, each epoch puts forward its own leaders in this “avenue of heroes”.

Islamiyat, which at present is indisputably the dominant component of Iranian identity, reinforces its ambivalent features because, while being Islamic *a priori*, it is nevertheless Shi‘ite — an alternative branch of Islam not accepted by the Sunni majority. It is within the framework of *islamiyat* that such traits of Iranian identity as self-sacrifice, martyrdom, and the notion of the particular significance of suffering are formed.

The Western component of identity, which emerged during the reign of the Pahlavi dynasty (Reza Shah Pahlavi), in connection with a reorientation toward everything European and American — from lifestyle to mentality — eventually provoked the rejection of the majority of the population, the emergence of specific pejorative terminology, and to a certain extent became a catalyst for the Islamic Revolution of 1979. According to Iranian researchers, it was precisely then that Iranians consolidated into a nation and, accordingly, Iranian identity took definitive shape.

KEYWORDS

Iranian cultural identity; ambivalence; iraniyat; islamiyat; Aryan concept; gharbzadegi.

ACKNOWLEDGMENT

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301-II "The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security".

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИРАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Романова Анна Петровна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8537-4893>

E-mail: aromanova_mail@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу научного дискурса (как отечественного, так и зарубежного), посвящённого специфике формирования иранской идентичности. Для того, чтобы проследить эволюцию процесса, были выбраны источники преимущественно последнего тридцатилетия, когда появилась возможность более-менее объективного анализа и временная дистанция, позволившая выявить определенные этапы ее трансформации. Именно в этот период не только завершился процесс формирования, но и осмысления ее основных специфических характеристик. Базовая методология исследования – сравнительный и структурно-системный анализ. Основной характеристикой иранской идентичности, в силу целого ряда историко-географических причин, является ее амбивалентность, состоящая прежде всего в том, что она основана на двух крупных, базовых структурных компонентах: иранийат и исламийат и сопутствующих, вторичных. Иранийат, как более древняя составляющая, основана на древнеперсидских корнях, истории, культуре и портретной галерее исторических и мифологических культурных героев, которые составляют гордость современного иранца. Однако каждая эпоха выдвигает своих лидеров аллеи героев.

Исламийат, на данный момент являющаяся бесспорно доминирующей составляющей иранской идентичности, усиливает амбивалентные характеристики, поскольку, будучи исламской априори, тем не менее является шиитской, альтернативной ветвью ислама, не воспринимаемой суннитским большинством. Именно в рамках исламийат рождаются такие черты иранской идентичности как жертвенность, мученичество, идея особой значимости страдания.

Западная составляющая идентичности, появившаяся в период правления династии Реза Пехлеви, в связи с переориентацией на все европейское и американское – от образа жизни до менталитета, вызвала в конце концов отторжение большинства населения, появления особой пейоративной терминологии, и стала в определенной степени катализатором исламской революции 1979 г. По мнению иранских исследователей, именно тогда произошло сплочение иранцев в нацию и, соответственно, оформление иранской идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

иранская культурная идентичность; амбивалентность; иранийат; исламийат; арийская концепция; гарбзадехи.

БЛАГОДРАНОСТЬ

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00301-П «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние идентичности – это всегда результат соприкосновения, переплетения, пересечения различных слоев культуры и ее восприятия внутренними и внешними акторами. Это квинтэссенция наслоений памяти о разных исторических периодах той или иной страны или цивилизации, народов, прошедших сквозь нее, упакованная в «прокрустово ложе» задач и характеристик, необходимых для конструирования современных форм национальной и культурной идентичности. Идентичность – сложная, комплексная, многослойная категория, позволяющая соотнести, идентифицировать нацию, этнос, народ, соседскую общину, конкретную личность и т.д. с определенным набором характеристик и *vice versa*. Культурная идентичность – это один из аспектов национальной идентичности, ее составляющая, причем с нашей точки зрения, базовая. Исследователи наряду с ее сложностью и многосоставностью подчеркивают и константность ее основания, связанную с самосохранением культуры (Матузкова, 2014). В силу своей амбивалентности: изменчивости и постоянства, монолитности и многослойности, зависимости от разных факторов в разные эпохи и, одновременно, наличия устойчивого культурного ядра, опирающегося на разницу между ожиданиями акторов-носителей и акторов-конструкторов, понятие идентичности рассматривается исследователями как относительное (Норф, 1998). Важно отметить, что концепция культурной идентичности включает в себя не только внутреннюю позицию, соотнесение представлений носителей этой идентичности с важнейшими элементами данной культурной группы: традициями, обычаями, верованиями и т.д., осознание принадлежности к ней, но и признание внешних наблюдателей наличия таких культуурообразующих элементов у данной культуры, соотнесение данной группы с определенным культурным контекстом. В данной статье мы попытаемся проанализировать эту рефлексию как со стороны самих иранцев, так и со стороны ее внешних исследователей (западных и российских).

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИРАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Фактор *амбивалентности*, противоречивости¹ в той или иной степени проявляется в культурной идентичности любого народа, но, пожалуй, наиболее сложно и одновременно, рельефно, отражается в иранской, поскольку именно Иран, относясь к одной из древнейших страниц истории человеческой цивилизации, и претерпел кардинальные изменения от великой Персидской империи, через арабские завоевания к периоду ориентации на Запад в правление династии Пехлеви (1925-1979), и до исламской республики Иран (с 1979). В силу этого, иранская идентичность обладает сложной (Павлов, 2014), изначально противоречивой структурой, вызывающей массу вопросов, не имеющих однозначного ответа. Собственно, древность и извилистость иранской истории является важным фактором в формировании современной иранской культурной идентичности.

¹ Этот термин возник в области психологии и первоначально использовался именно там.

Иранские исследователи определяют национальную идентичность как коллективные представления, вытекающие из исторического и культурного прошлого народа, ... «по которым мир знает о нем» (Goudarzi, 2005, p. 120). И именно история и культура являются платформой для обретения себя и оформления контактов с внешним миром.

В отличие от культурных идентичностей других прикаспийских мусульманских стран (туркменской, казахстанской, азербайджанской),² которые конструируются как новые национальные идентичности после распада СССР и прежде всего для упрочения собственного суверенитета, национальная и культурная идентичность Ирана (*хувийят-е мелли*) имеет сложную, исторически формирующуюся конструкцию, каждый сегмент которой возник в свое историческое время, претерпел определенные изменения, подвергся внутренним и внешним трансформациям, но продолжает существовать и определять современную национальную и культурную идентичность в целом и, одновременно вызывает научные и политические дискуссии. При всей, казалось бы, очевидности и достаточной изученности национальной истории, культурная и национальная идентичность Ирана вызывает больше вопросов, чем ответов. Ее можно рассматривать и как сложившийся, или как все еще формирующийся социальный феномен, где количество и уровень влияния или доминирования тех или иных компонентов оценивается по-разному в научном дискурсе западных, российских и иранских исследователей. Дискуссии сосредоточены вокруг нескольких краеугольных проблем: какова структура культурной идентичности и какие составляющие являются наиболее значимыми; структура формируется в процессе всей истории Ирана или это такой же современный конструкт, как и идентичности их соседей по Каспию; не является ли иранская культурная идентичность неким идеологическим конструктом, формирующимся только в процессе создания современного научного и идеологического дискурса.

Изначально, иранская идентичность формировалась исходя из оппозиции «Мы и враждебные Они»³, внутри которой изначально заложена бинарность Свой-Чужой, являющая основой амбивалентности процесса (Романова и др., 2013). Надо заметить, что любая идентичность формируется на противопоставлении себя с окружающими этносами и культурами, отличается только характер выраженности и восприятия инаковости.

В данном случае «Мы» – это древняя сакральная культура Ирана, противостоящая враждебной профанной культуре окружения, которая, с позиции иранцев всегда уступала иранской сакральности. Иранская идентичность и культура периодически вступали в разные формы противостояния с внешним окружением. После упадка империи иранская идентичность противостояла арабской, более примитивной с их точки зрения по уровню, но пытающейся ее поглотить. Арабы,

² Процессы конструирования новых идентичностей постсоветского Прикаспия мы рассматривали в процессе работы над первой частью проекта РНФ с 2022 по 2024 г.

³ Какие идеи и исторические обстоятельства сформировали внешнеполитическую самоидентификацию Ирана. Получено из: <https://news.rambler.ru/middleeast/42051552-kakie-idei-i-istoricheskie-obstoyatelstva-sformirovali-vneshnepoliticheskuyu-samoidentifikatsiyu-irana>

кстати, в свою очередь считали иранскую культуру более примитивной. После принятия ислама во время арабского завоевания в VII в., позднее, при Сефевидах в 1501 г., шиизм становится доминирующей, а периодами и государственной религией Ирана, несмотря на противостояние суннизму и гонимость в исламе (Мирский, 2008). Во время правления династии Пехлеви (1925-1979 гг.) мусульманская идентичность находилась в противостоянии со светской западной идентичностью, продвигаемой шахиншахами (шаханшахами). Однако западная идентичность подкреплялась древнеперсидской, арийской и тем самым проводилась параллель между арийскими корнями Европы и Ирана. Практически все элементы, тенденции, характеризующие иранскую идентичность, по сути своей, находятся во взаимном противостоянии – западный, светский и мусульманский, арийский иранский и исламский, мусульманский и шиитский.

Ссылки на амбивалентность иранской идентичности, в разных конфигурациях мы находим в научном дискурсе Запада, России и Ирана, где подчеркивается, что она (амбивалентность) основана на древнеиранской истории и мифологии, которая «совершенно парадоксальным образом прославляет в одно и то же время безудержную отвагу и покорность судьбе, меланхолию и надежду, скромность и роскошь. Данное состояние духа продолжает существовать уже две тысячи лет, если не больше. Оно существует будто бы трансцендентно по отношению ко всем и всяким различиям, верованиям, принадлежностям. На него не смогли оказать ни малейшего влияния ни кампания Александра Македонского, ни войны, которые Персия вела с Римом и Византией, ни арабское вторжение, ни завоевания монголов и Османов...» (Ravai, 2018, p. 60).

Амбивалентность иранской идентичности проявляется не только в мироосмыслении, но и в повседневной жизни: «Иранец любит пышность, внешний блеск, роскошные ткани, но его не смущает, когда он живёт скудно, просто, он может быть богатым и обитать в глинобитном доме, похожем на дом бедняка. Он славит монарха, окружает его особу настоящим культом, но ничуть к нему не привязан и, не моргнув глазом, свергает его или позволяет свергнуть, поддерживая другого. Он как будто отрекается от всего, что было для него самым дорогим, и, может быть, это лучше всего и выражает его дух. Он без особых колебаний переходит из маздеизма в ислам, но хранит в сердце немеркнущую память о доисламских героях и неустанно их воспевают» (Ру, 2012, с. 7).

ИРАНИЙАТ И ИСЛАМИЙАТ

Амбивалентность иранской идентичности во многом обуславливается наличием в ней двух базовых компонентов, обозначаемых в иранском дискурсе как «иранийат» (иранскость) и «исламийат» (исламскость/исламистскость), и рассматриваемых как противостоящие идеологемы, конкурирующие, а иногда и как взаимодополняющие концепции (Holliday, 2011). *Иранийат* («*iraniyat*») в переводе с персидского означает «быть иранцем», что, собственно, представляет сущность, квинтэссенцию иранской национальной идентичности. «Когда мы называем себя

“персиянами” или “иранцами”, что за уникальные “персидские” или “иранские” качества имеем мы в виду, и насколько сильны в нас исламская и/или иранская составляющие? Какие обычаи, верования, привычки и символы дошли до нас с древности, и в каком смысле мы изменились?» (Davaran, 2010, p. 11).

Иранийат представляет собой сложный компонент, практически идентитарный комплекс, завязанный на истории одного из древнейших государственных образований мира. По мнению некоторых исследователей (Комлева, 2016) Древняя Персия, предшествовавшая современному Ирану, еще 2500 лет назад в VI-V вв. до н.э., имела статус «сверхдержавы», которая простиралась от Нила до Инда, включив в себя территории, на которых когда-то процветали более ранние могущественные государства с высоким уровнем цивилизации-хетты, египтяне, ассирийцы и т.д.

Внимание к этому историческому пласту культурной идентичности то уходило в тень во время арабских завоеваний, то усиливалось, как например в правление Мохаммеда Реза Пехлеви, когда был отпразднован самый дорогой в мире 2,5 тысячелетний юбилей основания персидской империи (державы Ахеменидов) (1971)⁴, или во время президентства М. Ахмадинежада, когда возникли тенденции празднования Новруза в межрегиональном масштабе, участились обращения к культурному наследию, в том числе литературному (Каменевва, 2024), что однако кардинально не изменило уровень доминирования исламийат на тот момент, поскольку встречало сопротивление иранского духовенства. И тем не менее, даже в учебниках ИРИ «мы находим ссылки на существование и славные достижения иранской нации как в античности, так и после арабского завоевания» (Ram, 2000, p. 78).

В основе всего культурного комплекса иранийат лежит религиозный фактор, связанный с доисламскими верованиями – маздеизмом, зороастризмом, манихейством. В доисламскую эпоху быть иранцем означало быть зороастрийцем. Будучи государственной религией Персидских империй с VI века до н.э. по VII век н.э., зороастризм распространился на огромной территории Ближнего и Среднего Востока. Территории Большого Ирана были закреплены еще в Авесте, что по мнению М. Бойс сакрализует иранскую идентичность (Бойс, 1987). Амбивалентность здесь проявляется, как борьба добра со злом, как наличие двух противоположных сакральных сил, возникших задолго до христианства и ислама – Ахурамазды и Анхроманью. Несмотря на доминирование ислама в его шиитском варианте, даже в современную эпоху символика зороастризма, ассоциируемая с древним Ираном, остается поводом для гордости и интереса иранской молодежи. Атрибутика зороастризма, в частности Фравахар⁵, воспроизводится в сувенирной продукции и ювелирных изделиях, чему автор статьи была свидетелем во время пребывания в Иране. Причем кулоны с Фравахаром носят не только зороастрийцы,

⁴ День в Истории. Как иранская монархия отпраздновала свое 2500-летие. Получено из: <https://foto-history.livejournal.com/20699015.html> ; Как одна роскошная вечеринка иранского шаха лишила династию Пехлеви власти. Получено из: <https://kulturologia.ru/blogs/250625/64542/>

⁵ главный символ зороастризма, изображающий Фраваши (благой дух, принадлежащий каждой частице мироздания). Изначально представлял собой «окрылённое солнце» (символ власти и божественного происхождения), к которому позже был добавлен человеческий образ.

но и мусульмане, как бы подчеркивая древность Иранийат. Собственно, и празднование Новруза является так же зороастрийской традицией. В эпоху Реза – шаха Пехлеви интерес к зороастризму граничил с модой, постепенно получивший международный статус. В 1960 году в Тегеране состоялся первый всемирный зороастрийский конгресс, плавно после падения режима переместившийся в США (Шуберт, 2021).

Собственно, об идентификации иранской идентичности через исторический контент упоминается в постисламской (после VIII в.) как арабской, так и иранской литературе, причем историю рассматривают не как цепочку деяний великих личностей, а как процесс развертывания иранской идентичности, как единое целое во времени, пространстве и перспективе. Иранские исследователи убедительно показывают, что в исторических текстах как иранских авторов, так и внешних, античных, Иран существует как самостоятельная территория, а иранцы как национальная группа, проживающая на этой территории (Ahmadi, 2024), что является важным моментом самоопределения нации и ее идентичности.

В постисламском дискурсе существует два подхода к иранийат: во-первых, как к продукту иранской истории как части всемирной, и во-вторых, как самостоятельной ветви истории, но связывающей идентичность иранцев с мусульманскими нарративами. Этим, во многом и обусловлена дискуссия, чем, собственно, является иранийат – древним пластом идентичности, оставшейся в культурном коде и коллективной памяти иранцев, или это искусственно сформированный и сформулированный конструкт времен династии Пехлеви и более поздних современных социально-политических тенденций, и он носит скорее умозрительный и националистический характер.

И для правильного определения позиции, важным моментом является факт наличия признанного персидского государства, упоминавшегося в античных и иранских, а так же арабских произведениях, где самым важным моментом является самоосознание, самоидентификация иранцами себя как персов, иранцев, что «определяет Иран как отдельное образование, обладающее собственным нарративом истории, культуры, цивилизации и политики, отличающееся от неиранских аналогов» (Ahmadi, 2024). Таким образом, начало идентификации себя иранцами как отдельной самостоятельной нации уходит в далекое прошлое. «Четкая концепция персидской идентичности пронизывает традиционную историю – концепция, которая, возможно, возникла в период Ахеменидов, но была определенно принята Сасанидами, которые, называя себя "царями Ирана, а не самими иранцами", четко отличали свою нацию от других» (Багаев, 2024). Однако некоторые исследователи считают ее всего лишь поздним конструктом, националистическим проектом, определенной политической концепцией эпохи Пехлеви ассимиляторской направленности как попытки сформировать этнонациональную однородность (Жигалина, 1996, с. 99), единое языковое культурное пространство страны (Алиев, 2004).

Но в любом из вариантов, иранийат рассматривается как проект, наглядно демонстрирующий одновременно устойчивость и способность к трансформации иранской идентичности на протяжении определенного отрезка времени – длинного исторического прошлого или мимолетного современного.

Ираниат как идентитарная конструкция так же подвергается внутренней структуризации (Litvak, 2017). Некоторые исследователи разделяют ее на «великоперсидскую», «арийскую» националистическую, к которой добавляется исламская составляющая (Звягельская (ред.), 2024, с. 94). Именно конструирование арийской идентичности и в древности, и на современном этапе представляет собой квинтэссенцию противопоставления себя чужому, даже слово «арий» (*airya- авест.*) в древнеперсидском языке имело значение «свой», «отличный от чужого» (чужой характеризовался словом «ан-арий»), а также еще одну коннотацию — «благородный» (Бенвенист, 1995, с. 240-242). Этот термин подчеркивает значимость данной социальной общности и ее идентичности как в древности, так и на современном этапе. Ариями именуется великого Дария и самого Ахура-Мазду надпись на Бехистунской скале. Однако очень много исследований посвящено арийству не как древнейшей идентичности, а как идеологическому концепту, декларирующему избранность. Поэтому, как нам кажется, арийский аспект иранской идентичности должен рассматриваться как самостоятельный кейс с собственным дискурсом (Шнирельман, 2011, Николаева, 2015, Овчинников, 2017, Дмитриев, 2020, Morris, 2005, Масов, 2006, Кирчанов, 2020, Чайлд, 2020), требующим тщательного анализа, дабы избежать идеологической предзаданности.

Исследователи иранской идентичности как еще одну специфическую особенность выделяли интровертированность, закрытость иранской культуры и соответственно, идентичности. Во многом это определено поворотами иранской истории, «но многие народы, у которых их было не меньше, не стали столь убежденными и радикальными интровертами, как иранцы. Значит, дело в чём-то ещё, в самой **иранской идентичности**, которая является закрытой и не склонной к диалогу в своём ядре⁶.

Возможно, именно такая закрытость во многом стала основанием устойчивого наличия именно персидской составляющей идентичности, поскольку эта страна и этот народ никогда не исчезали с лица земли и мировой истории. «Каждое нашествие выявляло их способность к сопротивлению, стойкую приверженность их идентичности, заставляло их возрождаться, конечно, в ином виде, но с сохранением определенных позиций, образа жизни, выражения чувств и, что, возможно, самое важное — образа мысли» (Ру, 2012).

Исламская составляющая иранской идентичности **исламиат (islamiyat)**, является, на первый взгляд, более фундаментальной и в силу этого менее дискуссионной, но, тем не менее и она добавляет иранской идентичности амбивалентности, особенности и непохожести – поскольку в ней выделяются два фактора – исламский и шиитский. «Для идеологического обособления от соседей новые правители Ирана сделали государственной религией шиизм

⁶ Дугин, А. (2025). Иранская цивилизация: пути исследования. Получено из: <https://dzen.ru/a/Z3ZnE7hX2nhGasOm>

двенадцатиимамного толка, тем самым внеся новое дополнение к иранскому самовосприятию. С XVI в. Иран уже был не просто культурной и социально-экономической общностью народов, противопоставленной внешнему и недружелюбному миру, но ещё и иной религиозной сущностью – оплотом шиитского мира, противостоящего миру суннитскому и, в то же время, объединённой с этим суннитским миром единым религиозным началом – исламом» (Кожанов, Богачёва, 2020). Таким образом переход к шиизму придал специфику иранской идентичности, ее исламской составляющей в силу того, что, будучи мусульманами, для большинства мусульман-суннитов иранцы стали Чужими. Несмотря на то, что Иран не был единственным шиитским государством (Ирак, Бахрейн, Азербайджан), именно для Ирана шиизм превращается в своеобразный маркер идентичности.

Современные иранские теологи считают религиозную исламскую идентичность основой иранской идентичности. Для аятоллы Муртаза Мутаххари (1920-1979) именно религиозный фактор исповедания ислама является главным моментом формирования идентичности, все остальные – культура, язык, история – второстепенные (Мутаххари, [1372] 1993). Для аятоллы Хомейни: «единственным монархом является только Аллах, и Он не нуждается в партнерстве» (Хомейни, 1993, с. 21). Только с момента принятия ислама в его шиитском варианте можно говорить о формировании иранской идентичности как исламской.

Начиная с XVI в. с династии Сефевидов Иран был принудительно превращен из суннитского в шиитский и шиизм стал религией иранского большинства (Abisaab, 2004). Дванадцатнический шиизм, имея с суннизмом общую основу, тем не менее имеет такие отличия, которые и позволяют предположить, что именно они подпитывают амбивалентную основу иранской идентичности. В частности, наиболее яркими маркерами такой амбивалентности является сам дванадцатнический подход к исламским основам. Для шиитов признание двенадцати имамов, потомков Али формирует и канон священных книг, и свой подход к Сунне. Особую роль играет идея мессиянства и скрытого двенадцатого имама, возвращения которого, как мессии, ждут шииты.

По мнению некоторых исследователей специфика иранской идентичности коренится в религиозно-философской, скорее даже не традиционной, а мистической основе шиизма. В структуре философско-теологической иранской мысли лежит внутреннее противоречие между алимом (ученым), опирающимся на рациональную основу, знание, закон и порядок, и арифом – мистиком, постигающим истину через слияние с сакральным. Значение арифа в шиизме велико, так же как значение фигуры имама. Шиизм по сравнению с суннизмом – это то место, где имам есть (Echghi, 1992).

Важным моментом шиитской компоненты иранской идентичности является идея страдания в преддверии возвращения скрытого двенадцатого имама Махди, которая, по мнению российских исследователей выражается в фатальной, экзистенциальной обречённости Ирана на страдания, на вечное поражение от

врагов. Эти враги, будь то мудрые жители Запада или бесстрашные жители Востока, связаны со злыми силами Аримана и постоянно строят козни против Ирана (Багаев, 2024). Отсюда и присущая Ирану идея жертвенности и мученичества, коренящаяся в шиизме, в феномене мученичества Имама Хуссейна и комеморативных практиках, которые в плане политики памяти осуществляют поддержание этой идеи посредством ритуалов Ашуры, в том числе и театрализованного действия, а в более раннюю эпоху в процессии самобичевания- шахсей-вахсей, которая сейчас проводится предпочтительно без кровопролития.

Отдельно можно выделить возникшие преимущественно в XX веке в эпоху шахского правления элементы западной (колониальной) идентичности. Исторически Персия активно контактировала в различных формах – торговой, военной, дипломатической со странами Запада – прежде всего Великобританией, Россией, Германией. В дальнейшем предметом иранских контактов стали США, вплоть до исламской революции 1979 г., когда Штаты становятся одним из главных врагов, и одновременно в Америке формируется иранская диаспора. Так в эпоху правления шаха династии Пехлеви основные мусульманские элементы идентичности были отодвинуты на второй план (Филин, Ходунов, 2019) и были заменены великоперсидскими в идеологии и западными, глобалистскими в быту. Это вызвало процессы, названные иранским философом Ахмадом Фардидом «гарбзадеги» – поражение Западом, что представляет, по его мнению, утрату иранской составляющей идентичности, в результате заимствования чуждой иранской культуре западной модели. Человека, пораженного Западом, автор эссе об этом феномене Джелал Але-Ахмад обвинял в комплексе негативных характеристик: циничности по отношению к религии, безразличии ко всему, отсутствии убеждений, сибаритстве, а самое главное, в отсутствии идентичности. «У пораженного Западом нет индивидуальности. Он нечто без свойств. Ни сам он, ни его дом, ни его слова ничем не пахнут. Скорее он – представитель всего и всех. Он не космополит или гражданин мира. Ни в коем случае. Он ниоткуда... Он смесь личности без индивидуальности и без особенностей» (Але-Ахмад, 2024). Собственно, эта тенденция привела в конце семидесятых годов прошлого века к революционному перевороту, в основе которого стали традиционные религиозные ценности, вписанные в матрицу культурной иранской идентичности. Именно тогда иранцев стали воспринимать как нацию даже внутренние западники. Один из генералов шахской армии на последнем заседании совместного штаба сказал: «Ничего нельзя поделывать. Они готовы умирать многотысячными толпами [...] Сегодня перед нами стоит нация. Сошла ли она с ума, или с ней случилось что-либо еще, но это нация» (Echghi, 1992).

Таким образом амбивалентность иранской идентичности не только наиболее ярко проявляется в критических ситуациях, но и становится основой для поисков входа из кризиса.

ВЫВОДЫ

Таким образом, научный аналитический дискурс, связанный с иранской идентичностью достаточно пестр и мозаичен, и тем не менее в нем можно выделить некие общие тенденции, что мы и попытались сделать. Мы видим, что все они так или иначе связаны со сложностью, амбивалентностью иранской идентичности как некоего комплекса, оказывающей непосредственное влияние на мировоззренческую платформу и политические устремления современного Ирана.

Одним из наиболее значимых так и остается вопрос о естественном или проектно-конструктивистском характере национальной и культурной идентичности, дискуссия по этому поводу не завершена. Так М.В. Кирчанов в серии типических представлений, связанных в том числе с иранским менталитетом упоминает, что одним из таких наиболее общепринятых взглядов на иранскую идентичность является ее характеристика как «воображаемого конструкта, созданный националистическими ориентированными иранскими интеллектуалами; на протяжении анализируемого периода одновременно сосуществовали различные версии иранской идентичности и национализма, основанные на примате вестернизированного сообщества как сообщества граждан или на примате этничности, в большей степени связанной с шиитским исламом» (Кирчанов, 2015). Однако с нашей точки зрения, на основе анализа вышеупомянутого нами дискурса иранская культурная идентичность является скорее скрыто, постепенно формирующимся естественно-историческим феноменом с учетом влияния как иранской, так и шиитской составляющей. Нельзя, конечно, не учитывать и западный фактор, периодически оказывающий влияние на разные культурные слои населения, в том числе и на современную протестную молодежь. Амбивалентность, противоречивость, многослойность иранской идентичности с одной стороны является следствием исторических особенностей страны, а с другой формирует ее новые исторические горизонты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Але-Ахмад, Д. (2024). *Гарбзадеги*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Алиев, С.М. (2004). *История Ирана. XX век*. Москва: Крафт+, 648 с.
- Багаев, Ю.Э. (2024). Персидская литература и возрождение иранской идентичности. *Человек. Социум. Общество*, (11), 63-67.
- Бенвенист, Э. (1995). *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва: Прогресс-Универс.
- Бойс, М. (1987). *Зороастрийцы. Верования и обычаи* (пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского). Москва: Наука.
- Дмитриев, В.А. (2020). «Арий, поклоняющийся Ормазду»: к политической биографии Шаханшаха Нарсе. *Вестник древней истории*, 80(2), 434-461.
- Дорошенко, Е.А. (1985). *Шиитское духовенство в современном Иране*. Москва: Наука, 228 с.

- Жигалина, О.И. (1996). *Этносоциальная эволюция иранского общества*. Москва: Восточная литература, 264 с.
- Звягельская, И.Д. (ред.) (2024). *Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография*. Москва: Аспект-Пресс, 316 с.
- Каменева, М.С. (2024). Исламский фактор в культурной политике Ирана (1979-2023 гг.). *Исламоведение*, 15, 3(61), 20-30.
- Кирчанов, М.В. (2015). Арийские предки, демократические традиции и ислам: проблемы написания «синтетической» национальной истории в Исламской Республике Иран. *Панорама*, 17, 55-72.
- Кирчанов, М.В. (2020) Арийский миф как механизм модернизации и политической инструментализации иранского национализма. *Востоковедение: история и методология*, (1), 61-69. <https://doi.org/10.31696/2686-8202-2020-1-61-69>
- Кожанов, Н.А., Богачёва, А.С. (2020). Исламская республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или приемственность? *Вестник МГИМО-университета*, 13(2), 141-162. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162>
- Комлева, Н.А. (2016). Иран: геополитический портрет. *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*, 13(1).
- Масов, Р. (2006). *Арии: история и современность*. Душанбе.
- Матузкова, Е.П. (2014). Культурная идентичность: к определению понятия. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 2, 62-68.
- Мирский, Г. (2008). Исламский фундаментализм, сунниты и шииты. *Мировая экономика и международные отношения*, (9), 3-15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-9-3-15>
- Мутаххари, М. ([1372] 1993). *Совместное служение Ирана и Ислама*. Тегеран: Энтешарат-е Сафра, 612 с.
- Николаева, Н.А. (2015). Происхождение мифов «северного цикла» древних греков, иранцев и индийцев в свете позднеиндоевропейской и арийской прародин в Центральной Европе. *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*, (5), 82-89. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-5-82-89>
- Овчинников, А.В. (2017). Арийский миф в национализмах современного Татарстана. *Вестник Томского государственного университета*, (415), 86-101. <https://doi.org/10.17223/15617793/415/12>
- Павлов, Д. (2014). Иранская национальная идентичность: между традицией и постмодерном. *Вопросы национализма*, 1(17), 100-104.
- Романова, А.П., Якушенков, С.Н., Хлыщева, Е.В., Топчиев, М.С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. Москва: РОССПЭН.
- Ру, Ж.-П. (2012). *История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней*. Москва: Евразия, 432 с.
- Филин, Н.А., Ходунов, АС. (2019). Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*, (3), 131-147. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-3-131-147>

- Хомейни, А. (1993). *Исламское правление*. Алматы: Атамур, 141 с.
- Чайлд, Г. (2020). *Арийцы. Основатели европейской цивилизации*. Москва, 269 с.
- Шнирельман, В.А. (2011). «Арийская идея» и политика идентичности в эпоху постмодерна. *Вестник РГНФ*, (3), 28-39.
- Шуберт, В.Д. (2021). Всемирные зороастрийские конгрессы как средство консолидации общности в глобализирующемся мире. *XIV Конгресс антропологов и этнологов России, Томск, 6-9 июля 2021 года* (с. 287). Томск.
- Abisaab, R.J. (2004). *Converting Persia: Religion and Power in the Safavid Empire*. London: Tauris & Co Ltd, 256 p.
- Ahmadi, H. (2024). Iranian National Identity in Course of History. *Iranian Politics and Quoterly*, 2(1), 39-56.
- Davaran, F. (2010). *Continuity in Iranian identity: Resilience of a Cultural Heritage*. London: Routledge, 274 p.
- Echghi, L. (1992). *Un temps entre les temps: l'Imam, le chi'isme et l'Iran*. Les Éditions du Cerf, 174 p.
- Goudarzi, H. (2005). *Speeches on Language and Identity*. Tehran: Institute for National Studies.
- Holliday, S.J. (2011). *Defining Iran: Politics of Resistance*. Farnham; Burlington: Ashgate, 180 p.
- Hopf, T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 23(1), 174-179.
- Litvak, M. (2017). *Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic*. Taylor & Francis Group, 314 p.
- Morris, C. (2005). *The Aryan Race. Its Origins and Its Achievements*. Cosimo, Inc, 360 p.
- Ram, H. (2000). The Immemorial Iranian Nation? School Textbooks and Historical Memory in Post-Revolutionary Iran. *Nations and Nationalism*, 6(1). 67-90.
- Ravaï, N. (2018). L'Iran Est La Seule Religion De L'Iran. *Revue Des Deux Mondes*, 59-60.

Для цитирования: Романова, А.П. (2026). Амбивалентность иранской культурной идентичности и ее интерпретация в научном дискурсе. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 75-90. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.006>

REFERENCES

- Ale-Ahmad, D. (2024). *Garbzadegi*. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Aliev, S.M. (2004). *History of Iran. 20th Century*. Moscow: Kraft+, 648 p. (in Russian)
- Bagayev, Yu.E. (2011). Persian Literature and the Revival of Iranian Identity. *Iran and the Caucasus: Scientific and Theoretical Almanac* (pp. 29-34). Vladikavkaz: NOSU. (in Russian)

- Bagayev, Yu.E. (2024). Persian Literature and the Revival of Iranian Identity. *Man. Society. Society*, (11), 63-67. (in Russian)
- Benveniste, E. (1995). *Dictionary of Indo-European Social Terms*. Moscow: Progress-University. (in Russian)
- Boyce, M. (1987). *Zoroastrians. Beliefs and Customs* (translated from English by I.M. Steblin-Kamensky). Moscow: Nauka. (in Russian)
- Dmitriev, V.A. (2020). "An Aryan Worshipping Ohrmazd": Toward a Political Biography of Shahanshah Narseh. *Vestnik Drevnei Istorii*, 80(2), 434-461. (in Russian)
- Doroshenko, E.A. (1985). *The Shiite Clergy in Modern Iran*. Moscow: Nauka, 228 p. (in Russian)
- Zhigalina, O.I. (1996). *The Ethnosocial Evolution of Iranian Society*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 264 p. (in Russian)
- Zvyagelskaya, I.D. (ed.) (2024). *The Middle East: Politics and Identity. Collective Monograph*. Moscow: Aspect-Press, 316 p. (in Russian)
- Kameneva, M.S. (2024). The Islamic Factor in Iran's Cultural Policy (1979-2023). *Islamic Studies*, 15, 3(61), 20-30. (in Russian)
- Kirchanov, M.V. (2015). Aryan Ancestors, Democratic Traditions, and Islam: The Challenges of Writing a "Synthetic" National History in the Islamic Republic of Iran. *Panorama*, 17, 55-72. (in Russian)
- Kirchanov, M.V. (2020). The Aryan Myth as a Mechanism of Modernization and Political Instrumentalization of Iranian Nationalism. *Oriental Studies: History and Methodology*, (1), 61-69. <https://doi.org/10.31696/2686-8202-2020-1-61-69> (in Russian)
- Kozhanov, N.A., Bogacheva, A.S. (2020). The Islamic Republic of Iran in Search of Its Foreign Policy "I": Revolutionary Innovation or Continuity? *MGIMO Review of International Relations*, 13(2), 141-162. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162> (in Russian)
- Komleva, N.A. (2016). Iran: A Geopolitical Portrait. *Electronic Scientific Publication Almanac Space and Time*, 13(1). (in Russian)
- Masov, R. (2006). *The Aryans: History and Modernity*. Dushanbe. (in Russian)
- Matuzkova, E.P. (2014). Cultural Identity: Toward a Definition. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2, 62-68. (in Russian)
- Mirsky, G. (2008). Islamic Fundamentalism, Sunni and Shia. *World Economy and International Relations*, (9), 3-15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-9-3-15> (in Russian)
- Mutahhari, M. ([1372] 1993). *The Joint Service of Iran and Islam*. Tehran: Entesharat-e Sadra, 612 p. (in Russian)
- Nikolaeva, N.A. (2015). The Origin of Ancient Greek, Iranian and Indian Myths of the «Polar Cycle» in the Light of the Late Indo-European and Aryan Homelands in Central Europe. *Bulletin of the Moscow State Regional University (History and political science)*, (5), 82-89. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-5-82-89> (in Russian)

- Ovchinnikov, A.V. (2017). The Aryan Myth in the Nationalisms of Modern Tatarstan. *Tomsk State University Journal*, (415), 86-101. <https://doi.org/10.17223/15617793/415/12> (in Russian)
- Pavlov, D. (2014). Iranian National Identity: Between Tradition and Postmodernity. *Issues of Nationalism*, 1(17), 100-104. (in Russian)
- Romanova, A.P., Yakushenkov, S.N., Khlyshcheva, E.V., Topchiev, M.S. (2013). *The Alien and Cultural Security*. Moscow: ROSSPEN. (in Russian)
- Roux, J.-P. (2012). *History of Iran and Iranians. From Origins to the Present Day*. Moscow: Eurasia, 432 p. (in Russian)
- Filin, N.A., Khodunov, A.S. (2019). Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, (3), 131-147. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-3-131-147> (in Russian)
- Khomeini, A. (1993). *Islamic Governance*. Almaty: Atamura, 141 p. (in Russian)
- Child, G. (2020). *Aryans. Founders of European Civilization*. Moscow, 269 p. (in Russian)
- Shnirelman, V.A. (2011). The "Aryan Idea" and Identity Politics in the Postmodern Era. *Bulletin of the Russian State Humanitarian Science Foundation*, (3), 28-39. (in Russian)
- Schubert, V.D. (2021). World Zoroastrian Congresses as a Means of Consolidating Community in a Globalizing World. *XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, Tomsk, July 6-9, 2021* (p. 287). Tomsk. (in Russian)
- Abisaab, R.J. (2004). *Converting Persia: Religion and Power in the Safavid Empire*. London: Tauris & Co Ltd, 256 p.
- Ahmadi, H. (2024). Iranian National Identity in Course of History. *Iranian Politics and Quarterly*, 2(1), 39-56.
- Davaran, F. (2010). *Continuity in Iranian identity: Resilience of a Cultural Heritage*. London: Routledge, 274 p.
- Echghi, L. (1992). *Un temps entre les temps: l'Imam, le chi'isme et l'Iran*. Les Éditions du Cerf, 174 p.
- Goudarzi, H. (2005). *Speeches on Language and Identity*. Tehran: Institute for National Studies.
- Holliday, S.J. (2011). *Defining Iran: Politics of Resistance*. Farnham; Burlington: Ashgate, 180 p.
- Hopf, T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 23(1), 174-179.
- Litvak, M. (2017). *Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic*. Taylor & Francis Group, 314 p.
- Morris, C. (2005). *The Aryan Race. Its Origins and Its Achievements*. Cosimo, Inc, 360 p.
- Ram, H. (2000). The Immemorial Iranian Nation? School Textbooks and Historical Memory in Post-Revolutionary Iran. *Nations and Nationalism*, 6(1). 67-90.
- Ravaï, N. (2018). L'Iran Est La Seule Religion De L'Iran. *Revue Des Deux Mondes*, 59-60.

For citation: Romanova, A.P. (2026). Ambivalence of Iranian Cultural Identity and Its Interpretation in Academic Discourse. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 75-90. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.006>